

Я – Жюстин

Действующие лица:

Только Жюстин

Глава 1. Появление Жюстина, что бы это ни значило

1.

Ванная комната в квартире Вани. Ему лет пятнадцать, а может и меньше – он не помнит уже. На стене большое зеркало, Ваня стоит напротив, смотрит на себя. Раздевается. Снова смотрит на себя уже обнажённого. Подходит ближе, трогает своё отражение, затем целует его. Прижимается к зеркалу телом. Закрывает глаза.

Я правда не помню, сколько мне было. Наверное, всё-таки меньше пятнадцати. Прийти вот так в ванну и заняться изучением своего тощего тела я решил неспроста. В этот самый день случилось страшное. Моя соседка-девятиклассница по имени Жируха пыталась сделать со мной это. Ну, то есть, отсосать мне решила. В общем, она начала. Прикасаются своим скользким и липким от шоколада ртом к моему испуганному члену. Она старалась выглядеть как проститутки из порнухи, поэтому постоянно отбрасывала волосы и страстно смотрела мне в глаза. А я старался вообще не смотреть. Но когда она прикоснулась своей испачканной в шоколаде рукой моего живота, я не выдержал, объявил ей, что она шлюха и ушёл домой. Такой интерес к моему телу, со стороны пусть даже старшеклассницы, был для меня слишком неожиданным. И я решил сначала изучить его сам. Но именно факт того, что мой первый оргазм и бывалый рот жирухи в моём паху случились в один день, стал началом всего дальнейшего. Наверное, я не знаю. Может, спросить у мамы? Мама всё помнит и всё знает. Так было всегда.

Вечер. Кухня Ваниной квартиры. Он сидит за столом, ждёт еды. Мать что-то жарит и моет посуду, периодически пританцовывает. На ней комбинация и бигуди.

Ваня. Мама, у тебя бигуди.

Мать (останавливается). В смысле? И что?

Ваня. Просто. Чтобы не забыла.

Мать достаёт тарелки, накладывает.

Ваня. Не танцуй.

Мать (останавливается). А, да, прости, забыла.

Ваня. Зачем ты сняла шторы? Солнце спит.

Мать. Они не смотрятся, надо новые брать.

Ваня. Теперь спит зато. Не смотрятся. Как вообще понять – не смотрятся?

Мать. Я не поняла, ты чё недовольный такой?

Ваня. Посмотри в соннике: быть довольным во сне – что значит?

Мать. Чё смотреть-то? Довольный – хорошо значит.

Ваня. Ничего хорошего, там так круто было, тепло, а тут всё уныло.

Мать. Ешь котлету.

Ваня. Там был дом, как усадьба такой, большой и красивый. А я был в саду и смотрел на него со стороны. В окне за столом сидел мой друг и пил чай. Было тихо и тепло. Его даже звали как-то.

Мать. Посуду за собой помой.

Ваня. Генрих вроде.

Мать. Всё, я побежала.

Ваня. Ты не будешь со мной есть?

Мать. Работа же. Если во сне хорошо тебе, значит всё нормально. (Убегает)

Ваня. Свет в коридоре не выключай! (Тихо) Я боюсь, когда темно.

Ваня разламывает колету вилкой на кусочки, кладёт вилку. Смотрит в окно. Возле песочницы сидит молодая женщина, трогает песок. Ваня, думает, что она хочет своровать его домой, а на самом деле женщина думает, что песок – как время, а время – как песок, потому что она не очень талантливая поэтесса. Через два с половиной месяца эта женщина будет стоять на холодном полу у себя в ванной и смотреть на крысу, с которой надо что-то делать. Она что-то почувствует, но не сможет подобрать слов. Больше она не будет писать стихи.

2.

Примерно с тех пор моя сексуальная жизнь ограничивалась исключительно фантазиями и одинокими оргазмами в пределах периметра квартиры. Но зато какими. В расход шли все: одноклассники, соседи, звёзды телевидения и кино, прохожие, зомби, вампиры, депутаты, вокалисты школьного хора (в основном, вокалисты школьного хора), дворовый бомж, инвалиды в метро и даже президент. Также за следующие несколько лет я пережил массу сексуальных эпизодов криминального характера. Одни только изнасилования случались каждую неделю. Здесь-то как раз и всплывал президент. Вот трахают меня по традиции национал-социалисты Рейхстага и тут же, пожалуйста, президент. Я почему-то был уверен, что его это возбуждает. А то, что его это возбуждает, меня возбуждает ещё больше. Я не помню, откуда взялось это ощущение. Не знаю. Но моя насыщенная сексуальная

жизнь оборвалась, я помню когда. Ровно второго сентября восемнадцатого года моей жизни. Может, именно отсюда нужно отслеживать всю историю целиком.

Римская аудитория университета. Преподавателя ещё нет, а студенты расселись и занимаются своими делами. Ваня сидит наверху, в компании сокурсников. Смотрит на несколько рядов ниже, всматривается. Остальные о чём-то говорят, что-то обсуждают – неважно.

Ваня: А это кто? Сидит на первом ряду? В белом? Не помню я такого.

Кто-то. Да там новенькие все, кто только сейчас из своих ебеней приехал, им первый ряд достался.

Ваня смотрит.

Ваня (громко). Парень, ты кто?

Тут входит преподаватель, здоровается, начинают лекцию. Пара быстро заканчивается, начинается перерыв. Ваня идёт к кофейному автомату, оплачивает зерновое.

Парень в белой рубашке. Привет. Ты меня перед парой спрашивал? Я Жюстин.

Я не успел ещё обернуться, и уже увидел его. Тонкие рёбра под прозрачной кожей, острые костяшки тазовых костей, по-детски выпирающие запястья, спина пятиклассницы, гладкие соски, ароматная шея – всё это я увидел сразу же под слоем простой одежды. Да, точно. От этого «привет» и стоит начинать. Наверное.

3.

В этот же самый день Жюстин стал первым другом и единственным персонажем моих ежедневных фантазий. Нам всё было ясно, у нас не возникало вопросов, мы никогда не обсуждали своих желаний и планов, говорю же – совершенно всё было ясно. И фантазии эти уже не укладывались в периметр моей квартиры. Только мне никак не удавалось прикоснуться к нему, каждый раз момент ускользал прямо из-под носа. И чем дальше был этот момент, тем нестерпимей было желание.

Лекция в институте. Ваня за последней партой, лежит на ней головой, записывает. Затем кладёт ручку, убирает руки под парту. Закрывает глаза.

Преподаватель. Ваня, ты спишь что ли? Ваня?

Ваня (открывает глаза). Да не сплю я.

Преподаватель. Почему лекцию не записываешь?

Ваня. Я буду, да. Сейчас.

Преподаватель. Сейчас же возьми ручку и пиши.

Ваня. Сейчас, сейчас.

Преподаватель. Я не продолжу лекцию, пока не удостоверюсь, что ты записываешь.

Ваня. Сейчас, сейчас, сейчас уже.

Аудитория оборачивается на Ваню, ждёт. Ваня ложится головой на парту, берёт в руку ручку, поднимает её, демонстрируя готовность к продолжению лекции.

4.

А вообще каждый следующий свободный час после того «привет» мы проводили вдвоём. Звали его, конечно, не Жюстин, но я не помню как. Называл я его только Жюстин. Жюстин. Это было как свет; не тот свет, каким он стал позже – яркий, ослепляющий, неоновый – а ясный и направленный. Как мощный софит он высветил мне площадку, где я жил совсем другой жизнью и говорил другим языком.

Ваня и Жюстин сидят на металлической конструкции автомобильного моста, над ними ходят люди, проезжают автомобили, под ними серая река, несколько людей в ней купаются. Ваня говорит, слов Жюстина не слышно – автомобили заглушают.

Ваня. Я такой говорю сегодня Жирухе: отвали, тупая шлюха, а она мне – что ты имеешь ввиду? Бесит. И Лена бесит. И Лёха. Мама? (Думает) Раздражает немного. Если кто-то один занимает все мои мысли, остальные все мне не нужны. Всех остальных я терпеть не могу, они мне мешают, мне тесно от них, ко всем какие-то претензии особые. (Молчит) У тебя кожа тонкая, даже мясо почти видно, сочное. (Смеётся) Мне отец говорил, я его не помню почти, а это вот вспомнил сейчас, он говорил: вот если у тебя навязчивое желание заняться с этим человеком сексом – значит, ты влюбился, но если хочешь сожрать – это любовь. Так говорил мне отец. Что ты говоришь? Уезжает сосед из общаги? Куда? А, хорошо, я приду. Позвони мне тогда завтра. (Молчат) Смотри, купаются. Не холодно им. Смотри там девчонка с парнем, а с ними ещё парень. Мне кажется, он любит её, но она с другим парнем. Смотри, он смотрит, как они купаются. Не знаю, мне кажется так. Когда люди втроём, между ними всегда есть какой-то секрет, тайна, которая их разрушает. (Смеётся) Смотри, у него лодыжки из-под штанов такие тонкие, костлявые. Из-за них его ещё жалче, он же и так страдает от неразделённой любви и травит себя их счастьем. (Молчат) Позвони мне, я приду к тебе завтра.

Через шесть лет и три месяца мальчик с лодыжками женится на красивой женщине Лолите. У них будет девочка и дом в десяти километрах от города. Он будет счастливым и улыбчивым хирургом. Счастливая девочка в воде бросит этого мальчика и поедет жить в другой город. У неё будет много мужчин и ни одного мужа. Когда она, наконец, забеременеет, она тут же узнает, что неизлечима больна. Каждый сентябрь, вплоть до шестидесятилетия, когда он скончается от разных незначительных болезней, мальчик с лодыжками будет убирать сухие листья с её могилы. Точно такие же листья, которые засыплют этот мост уже завтра.

4

5.

Всё, что происходило в последующий вечер, ночь и утро было чем-то вроде подготовки космонавта перед первым стартом. Каждая секунда была посвящена скорому полёту, тело приведено в идеальную форму, ничего лишнего, борьба с затруднённым от волнения дыханием почти окончена. Первые просветы на небе привели к полному замиранию деятельности и ожиданию звонка. Ни о каком посещении института речи, конечно, не шло – нам выпал шанс остаться вдвоём в бесконечном космосе замкнутого пространства закрытой комнаты. Как космическая станция и летательный аппарат мы медленно шли на сближение; все проверки и тесты пройдены и состыковка состоится. Если только не маякая катастрофа в холодной чёрной пустоте.

Уже явный день. Учебная аудитория института. Перерыв. Студенты отдыхают. Входит Ваня.

Ваня. Где он?

Кто-то. Кто ещё?

Ваня. Жюстин.

Кто-то. Чё? Какой Жюстин?

Ваня. Да блин, как его? В рубашке одной и той же всё ходит? На первом ряду сидит.

Кто-то. Слушай, ну все тут вот сидят. Кто нужен-то?

Ваня осматривает аудиторию.

Ваня. Блядь, неделю ведь уже с нами учится. Я вспомнил! Он в общежитии живёт, у него сосед по комнате сегодня уехал.

Я не нашёл своего Жюстина. Я не смог его найти даже в списках студентов – я не знал его имени. Это был как раз тот самый Большой взрыв, насчёт которого есть своя теория, после которого пустота, а потом новая Вселенная. Первое, что появилось в этой новой вселенной, как ни странно, был спелый арбуз.

Глава 2. Без Жюстина.

1.

Я совершенно не помню, сколько прошло с того самого дня, но скорее всего не больше полугода, зимние праздники уже закончились – это точно - но снег ещё лежал по всему городу. Все свои вечера я проводил дома, в своей комнате, которая давно превратилась в свалку одежды, книг и журналов. В центре этой свалки и сидел я с закрытыми глазами – это стало ежедневным, тщательно исполняемым ритуалом – я сидел с закрытыми глазами и вспоминал лицо, звук и запах Жюстина, так я надеялся сохранить его в своей памяти. В этот самый момент в комнату и вошла мама. Она попросила купить ей арбуз. Зачем

5

посреди зимнего вечера этой женщине потребовался арбуз я до сих пор не знаю. А, может, она меня и не просила? Но, тем не менее, я оделся и пошёл в супермаркет.

Зал супермаркета. Ваня ходит вокруг тележек с арбузами. Стучит по ним – выбирает. Наконец, он решается, берёт один и направляется к кассе. Арбуз выскальзывает из его рук и падает на белый мраморный пол, разбивается. Становится ясно, что выбор был сделан верно - арбуз красный и спелый. Ваня садится перед ним, но ничего не делает. К нему подходит мужчина.

Мужчина. Ну и чего ты сел?

Ваня. Пизда арбузу...

Мужчина (смеётся). Полчаса выбирал и на тебе. Но ты молодец, выбор отличный.

Ваня поднимает на него голову, смотрит. Это высокий брюнет, лет сорока, крупный, дорого одетый. Снова смотрит на арбуз.

Ваня. Такой красивый, красный...

Ваня начинает плакать.

Мужчина. Ты чё, парень? (Смеётся) Из-за арбуза?

Ваня. Да обидно просто, что такой спелый упал.

Мужчина (продавцу). Девушка, уберите это. (Уходит, возвращается с арбузом) Как тебя зовут, несчастный мальчик? Вот тебе арбуз. Вставай, пошли.

Ваня встаёт, смотрит на мужчину.

Ваня. А знаете, что?

Мужчина. Что?

Ваня (долго молчит). Меня Ваня зовут.

Арбуз я маме не принёс. Есть его мы пошли к Александру, так звали моего спасителя. Мне, конечно, уже было не пятнадцать, и мотивы его помощи мне были более или менее ясны. Почему я разрыдался из-за этого арбуза? Я не помню. Я помню только один раз, когда я по-настоящему плакал. Пока мне не исполнилось десять, я каждое лето уезжал к бабушке, она жила в настоящей деревне. У неё был самый настоящий скот: три овцы и корова. Я часто бегал там один по деревенскому полю, на котором почему-то никогда никого не было, оно им было как-то не нужно, с практической точки зрения. А для меня там была высокая трава и простор. И в тот день я носился там один и провалился в неглубокую яму. Я сломал себе ногу и не мог выбраться, а был уже вечер и я страшно испугался. В этот же самый день бабушкина овца Лена сбежала. Бабушка потеряла меня и её. Лена сбежала, почуяв свою предсмертную стрижку. Весь день она где-то скрывалась, а

вечером прибежала на поле, к той самой яме, где я лежал, и остановилась, смотрела на меня. А за ней уже гналась толпа мужчин, помогавших моей бабушке в поисках Лены. Они и заметили меня. А следующим утром её подстригли и зарезали. За обедом я смотрел на тарелку с варёным куском мяса и рыдал. Прости меня, Лена.

Прости меня Жюстин, что я не плакал, когда ты исчез.

Огромная комната в квартире Александра. Вычурно богата. На антикварном столе порезанный арбуз.

Ваня. Богато у вас. Вы аппаратчик? Мама так всегда говорит. Она тоже аппаратчица.

Александр. Думаешь, только у чиновников может быть богато? Я просто вор, без государственного звания.

Ваня. Теперь принято со званием и учёной степенью.

Молчат.

Ваня. Чьи это фотографии?

Александр. Жены, не трогай.

Ваня. У вас жена есть?

Александр. Есть, а ты что думал?

Ваня. Ну, я думал вы...

Александр. А ты много не думай, не то твоя миленькая блондинистая черепушка начнёт быстро лысеть. Шампанское пей.

Ваня. Я не люблю шампанское – сладкое пиво. Лучше уж обычное выпить.

Александр. Дом Периньон. Пей, когда ещё попробуешь. А от пива-то раз толстым станешь.

Ваня. Я не знаю, почему я из-за арбуза так... Мне кажется, это что психологическое, какой-то в этом подтекст...

Александр. Давай без подтекстов?

Молчат.

Ваня. Потрогайте меня.

Они смотрят друг на друга, Александр улыбается.

У него были красивые и ровные белые зубы на фоне чёрной щетины. Когда он положил свою руку мне на ногу, я понял: ко мне никто никогда не прикасался вот так, с такой

целью. Каждое движение его ладони вверх по моей ноге, движение ткани моих брюк по ней делали меня слабее. Он быстро это заметил и встал передо мной так близко, что мой нос коснулся металлической пряжки его широкого ремня. Он прижал меня к себе, и я запачкал его ширинку мокрым от арбуза ртом.

Ваня и Александр лежат на кровати.

Ваня (шепотом). Александр? Саша? Я включу свет? Мне страшно в темноте (включает, молчит). От тебя запах, как от моего папы. Как одеколон «Саша». Я вот сейчас прямо вспомнил. Я его вообще не очень-то помню. (Молчит) Мы уже долго не виделись, когда мне сказали, что он умер. И я как бы ничего не почувствовал сразу. А вечером потом, пришёл домой когда, в ванной разбил случайно флакон с одеколоном – воняло дико – сразу его вспомнил. Он всегда пользовался самым дешёвым одеколоном. Он так и назывался – «Саша». И сигареты он курил самые дешёвые. Я курю не самые дешёвые. Я его не помню уже почти, но запах помню: одеколону, сигарет и перегара, как от тебя. Только у тебя всё дорогое. Саша? (достаёт телефон, фотографирует его)

Я лежал на его кровати и думал, о том, что случился мой первый секс, вот такой неподготовленный. Я отдался за арбуз. Получается что так. Но мне хотелось кого-то трогать, мне было необходимо трогать чьё-то тело. А мама дома без арбуза. Может быть, я неправильно поступил? Но что толку всегда быть правым, если ты опасные лезвия в шкафу прячешь на всякий случай?

2.

Мне нравится, когда меня касаются, даже если эти руки холодные. Поэтому с Сашей мы подружились, и наша следующая встреча была неизбежна. Я первый раз в жизни не знал, что со мной будет даже через день. Я будто в горной реке - сел на катамаран, выбросил вёсла и закрыл лицо руками. Когда он остановится, тогда я открою глаза и узнаю, где оказался. А на следующий день я оказался у Саши. Мы сидели напротив друг друга на кровати, и я не знал о чём с ним говорить.

Ваня. А сколько тебе лет, Саша?

Александр. А мы что переходили на ты?

Ваня. Ну, нет вообще... Но, кажется, мы неплохо вчера познакомились. (Смеётся)

Александр. Обращаешься ко мне только на вы, и называешь Александром, отчество – обязательно.

Ваня. Ладно, хорошо, Александр.

Александр (улыбается). Тебе так нравится?

Ваня. Как? Да, нравится.

Александр. Тебе нравится чувствовать себя слабым?

Ваня кивает.

Александр. Хорошо. Разденься и ляг в кровать.

Ваня раздевается и ложится.

Александр. На живот.

Ваня поворачивается. Александр подходит к кровати, берёт Ванину руку, пристёгивает её к кровати наручником.

Александр. Боишься?

Ваня. Да. Продолжайте.

Александр пристёгивает руки и ноги Вани к кровати. Садится в кресло, закуривает.

Ваня. Что мне делать?

Александр. Ждать.

Так происходило каждый день: он привязывал меня к кровати и уходил, а потом возвращался. Иногда не один, были и незнакомые мне люди. А один раз не вернулся никто. И знаете что? Это был самый крутой оргазм в моей жизни.

Я помню тебя, Жюстин. Но вдруг я смогу стать кому-то тем, кем ты был для меня?

3.

Комната Вани, он сидит за столом. Под светом настольной лампы он рассматривает уже распечатанную фотографию Александра, затем сворачивает её, кладёт в кошелёк. Достает из ящика стола новую упаковку дорогой туалетной воды, распечатывает её, душит.

4.

Александр перестал мне звонить спустя месяц, наверное, приехала жена. И почти сразу появился Марк. Когда очень долго ощущаешь себя слабым, в определённый момент скапливается столько нерастроченной силы, что её приходится куда-то выплёскивать. Почему-то так сложилось исторически, что под руку всегда попадают евреи.

Спортивный зал института. Студенты с курса Вани в спортивной одежде бегают с мячом. Кажется, это баскетбол. Точно: они бегут к сетчатой корзине под потолком. Ваня отбирает мяч у компактного черноволосого паренька, бежит. Но тот догоняет его и роняет на пол. Завязывается потасовка. Ваня оказывается сверху и бьёт парня кулаком в лицо. Затем останавливается, ладонью стирает ему кровь, смотрит, тот смотрит на него. Их разнимают.

В раздевалке. Ваня и тот самый парень.

Ваня. Как тебя зовут?

Парень. Ты издеваешься? Мы полгода вместе учимся.

Ваня. Да? А ты вроде ни с кем и не разговариваешь особо.

Парень. За третьей партой сижу. Марк.

Ваня. Ясно. Я Ваня.

Марк. В курсе.

Ваня улыбается.

Марк. Чё ты смотришь?

Ваня. Честно? Трахнуть тебя хочу.

Марк. Смешно.

Молчат.

Марк. Я не занимаюсь сексом с парнями.

Ваня. Ты и с девушками не занимаешься.

Марк. Не твоё дело. С тобой я трахаться не собираюсь.

Ваня. Так соберись, тряпка.

Молчат.

Марк. А почему меня?

Ваня. У тебя кожа тонкая.

Мой план был несложен. В ближайшие выходные должно было состояться празднование дня рождения нашей сокурсницы, на которое Марк, как и всякий задрот, приглашён не был. И надо быть уж совсем идиотом, чтобы не замечать того факта, что он к ней равнодушен. А я, как и любой гость грядущей вечеринки, мог взять с собой кого угодно. А уж оказавшись там, любые коварные планы осуществить – нехитрое дело.

Большая комната в современной богатой квартире. Громкая музыка, толпа студентов, они разговаривают, выпивают; кто-то танцует, кто-то лежит уже на диване, кто-то интимничает по углам. Ваня и Марк в кухне, они достаточно пьяны для разговоров в кухне.

Марк. У меня отец не возвращается из Израиля уже второй год, говорит, работа. Но я-то знаю.

Ваня. Он не хасид?

Марк. Он православный русский. Это мать еврейка.

Ваня. Моя бабушка – ортодокс, мусульманка. Как-то отхерачила меня за то, что я крест на подлокотнике дивана выцарапал, а это было только начало рисунка, а не крест. Короче, я детства как-то сторонюсь всяких сакральных мест.

Молчат.

Ваня. Ну и чё отец?

Марк. Да пофиг. Тебе и так скучно со мной.

Ваня. А что весёлого в разговорах?

Целует Марка.

Ваня. А ты – не хасид?

Марк закрывает глаза.

Я снял с него очки и целовал его белое лицо. Он тяжело и громко дышал. Я гладил его тонкое тело под рубашкой. Он положил свою голову мне на плечо и негромко стонал.

Потом я трахал его в учебной аудитории, в спортзале, в туалете, на парковке, на кафедре отечественной истории и центральном парке культуры и отдыха.

5.

Ваня и Марк сидят на скамейке в парке культуры и отдыха.

Марк. Весной сильно пахнет.

Ваня. Это общественный туалет.

Молчат.

Ваня. Так что ты хотел, говори. Сыро тут.

Марк. Лёха приглашает всех в загородный дом, ты поедешь? Он на всех снял.

Ваня. Откуда у него такие деньги?

Марк. Он донор говна.

Ваня. Чё?

Марк. Только ты не говори, что я сказал. Ну срьшь и каждую неделю уносишь в лабораторию медицинскую – тебе платят пятьдесят баксов.

Ваня. Оно у него чё, блядь, волшебное?

Марк. Ты поедешь?

Ваня. Нет, Марк.

Марк. Почему?

Молчат.

Марк. Мы могли бы вместе поехать.

Молчат.

Марк. Ты красивый.

Ваня. Ты говорил уже.

Марк. А что очень, говорил?

Ваня. Да.

Молчат.

Марк. Ты поедешь?

Ваня. Марк, понимаешь, вообще – нет. «Нет» на все твои вопросы и предложения, понимаешь?

Молчат.

Ваня. Я пойду, Марк.

Марк молчит, Ваня уходит.

Я ушёл, а Марк сидел на скамейке и смотрел на взлетающий самолёт. Ровно в пять часов вечера этот самолёт потерпит крушение, не преодолев океана. А в пять вечера и тридцать минут Марк услышит об этом на одном из федеральных каналов и его это встревожит. Но факт того, что 130 таких же, как Марк, людей утонули в океане, не станет для него мучительней, чем тот факт, что его не любят.

Кстати, его возлюбленная после того самого вечера обратила на него внимание, а вскоре они даже стали встречаться. Вот так я внёс свою позитивную лепту в трудную жизнь еврейского мальчика. Как выяснилось, не без собственной жертвы.

6.

Учебная аудитория института, наполнена студентами, Ваня лежит головой на парте. В аудиторию входит молодой мужчина, делает знак рукой, все выходят. Ваня поднимается. Мужчина садится за парту перед ним.

Мужчина. Иван, правильно? Вы учитесь на первом курсе и, наверное, не знаете всех правил нашего учебного заведения. Для нас очень важно сохранять высокий моральный облик вуза. И каждый студент обязан поддерживать высокое звание...

Ваня. Вы кто?

Мужчина. Алексей.

Ваня. Идите в жопу, Алексей.

Алексей. Я заместитель декана.

Ваня. А. Я не знал. Что с моим обликом?

Алексей. Ходят слухи, что вы занимались сексом в стенах аудитории института. Это правда?

Ваня. Правда.

Алексей. Это смело, но неправильно. По крайней мере, для руководства нашего вуза.

Ваня. Ну а что теперь? Уже поздно, дело сделано.

Алексей. А больше ты не будешь это делать?

Ваня молчит.

Алексей. Я закрыл дверь аудитории изнутри.

Ваня смотрит на него.

Ваня. Ёб вашу мать, Алексей...

Алексей смотрит, улыбается.

Я встал коленями прямо на апрельскую грязь и быстро исправил свой падающий в глазах деканата моральный облик. Это оказалось несложно и даже приятно.

Ваня встаёт, сплёвывает, вытирает губы рукавом. Смотрит на Алексея.

Алексей. Ты знаком с новым методистом кафедры отечественной истории?

Ваня молчит.

Алексей. Я вас познакомлю на днях.

Ваня. Я не хочу.

Алексей. Он хороший парень.

Алексей встаёт, выходит из аудитории. Ваня встаёт у окна, открывает его, дышит.

7.

Ваня стоит у подъезда, курит, что-то смотрит в телефоне, затем садится на спинку скамейки – ботинки холодные. К нему подходит молодой человек с флажками с

триколором, протягивает ему один. На флажке стикер: Я глухонемой, помогите мне – купите флажок за 100 рублей. Ваня отрицательно мотает головой, глухонемой уходит, встаёт на тротуаре. Протягивает флажки прохожим, те всматриваются в надпись, проходят. Женщина в меховой шапке стикера не видит, берёт флажок, идёт дальше, глухонемой за ней. Она, наконец, обращает внимание на стикер, останавливается, оглядывается, всучает флажок обратно парню, уходит. Женщина с ребёнком тоже стикера не видит, походя, берет флажок, улыбается, даёт флажок ребёнку, идут – глухонемой за ними. Ребёнок отрывает надпись, отдаёт матери, та читает, останавливается, выхватывает флажок у ребёнка, бросает в урну, вытирает ему руки своими перчатками, уходят. Глухонемой достаёт флажок из урны, стоит, потом уходит. Ваня, наконец, идёт к двери подъезда, звонит в домофон.

8.

Обыкновенная ванная комната с побитым кафелем, но в ней стоят свечи, и пахнет благородно. Ваня и Гоша сидят в ванне с пеной.

Гоша. Лаванда. В пену добавил, самый благородный запах. Кайф.

Ваня. Ты вот институт закончил и остался в институте, на кафедре? Не достаёт разве институт? А профессия? Ты же учился.

Гоша. Ну, люди важнее профессии. Я ещё ужин нам приготовил, очень изысканный: артишоки с кремом из авокадо.

Ваня. Это что? Мясо?

Гоша. С ума сошёл? Пещерный человек что ли? Мясо – вредно.

Ваня. Я вот только свиной не ем, не кашерно.

Гоша. Ты еврей?

Ваня. Нет, но я их поддерживаю. Как это... ментально.

Гоша. Жаль, что не еврей. Но мясо есть не нужно, у тебя же высшее образование на носу. А почему я тебе нравлюсь?

Ваня. Ну, ты худой. Кожа тонкая.

Гоша. Это пилинг хороший. Завтра пойдём на смотровую площадку «Седьмое небо», там такая красота, очень романтично, там ещё шампанское подают – парам.

Молчат, Гоша рассматривает Ваню.

Ваня. Чё такое?

Гоша. Цвет волос у тебя... Естественный. Это как-то даже не прилично, как голый ходишь.

Были рестораны для влюблённых, выставки картин, ипподромы, музеи бабочек, семинары для укрепления отношений, биорезонанс, чтобы вскрыть творческие способности Гоши и многое, многое другое, не виданное ранее. Гоша был, сука, романтик. И, честно говоря, мне это даже нравилось, это было что-то новое и необычное. Хотя, в чём кайф лаванды, я, к сожалению, так и не понял.

9.

Комната Вани, он сидит за столом. Под светом настольной лампы он рассматривает фотографию Гоши, затем сворачивает её, кладёт в кошелёк. Достает из ящика зеркало, рассматривает себя. У него новая стрижка и темные каштановые волосы.

10.

Вся это вереница нежности дала сбой, когда Гоша был готов на энергетическом уровне перейти в фазу сексуальных отношений. И вот, когда гас солнечный и электрический свет, Гошу будто подменяли. Он рвал и метал.

Ваня и Гоша на большой круглой кровати в спальне Гоши, свечи.

Гоша. Давай ещё раз, я хочу жёстче. Придумай что-нибудь такое, доминантное.

Ваня. Может кляп?

Гоша. Давай.

Ваня. Вот, возьми майку.

Гоша. Ну в смысле – возьми? Ты должен засунуть мне кляп в рот. А не предложить. (Надевает трусы) Сорвёшь их с меня и засунешь в рот. Всё. Давай сначала. И говори что-нибудь грубое. Всё, сначала.

Ваня делает, как говорит Гоша.

Ваня. Сука. (Думает) Тварь! Шлюха.

Гоша вытаскивает кляп.

Гоша. Да, нормально. Ещё можешь шлёпать меня. И руки заламывать, чтобы я не вырывался.

Ваня. Ты и не вырываешься.

Гоша. Ну блин! В смысле... Доминируй, Ваня, доминируй!

Ваня. Ладно, давай ещё раз.

Ваня по старой схеме делает кляп, бьёт его ладонью по лицу, связывает майкой руки за спиной. Гоша доволен. Ваня берёт свечу, капает воском на спину Гоше. Достает ремень из своих брюк, бьёт его несколько раз.

Ваня. Ну что, довольна, сучка? (Молчит) Да блин, ты чё, кончил?

Далее следовали фут-фетиш, косплей, гагинг, фистинг, спанкинг, но со временем и этого стало не хватать, Гоша только зверел. Таким образом, через неудовлетворённого методиста Гошу я познакомился с аспирантом Валерой, через него с деканом университета Геннадием, дальше были Роман, Сергей, ещё один Алексей, офицер кадетского училища Леонид и доктор философии Шамиль. Так я стал знаменитым. Я был звездой не только института, но и всей образовательной системы города в целом.

11.

Кухня Ваниной квартиры. Ваня сидит за столом, наклонился спиной на холодильник, пьёт чай. Мать допекает блины. Окна открыты – душно.

Мать. Уставший вид у тебя такой, круги под глазами...

Ваня. Сессия же.

Мать. Так, правильно, ты уж старайся. Мне из деканата звонили, Алексей Николаевич...

Ваня. Зачем?

Мать. Звезда, говорит, института.

Ваня. Звезда, ну. (Молчит) Мама, я устал. Я хочу летом уехать куда-нибудь.

Мать. Уехать – это хорошо. Я тёте позвонила, поедешь к ней в деревню. Раньше вон любил к бабушке ездить маленький...

Ваня. В смысле? Ты уже всё решила?

Мать. Да, решила.

Ваня. Спасибо. Но как-то бы меня спросила бы. Я, может, не деревню имел в виду.

Мать выключает плиту. Садится за стол.

Мать. Алексей Николаевич мне звонил не чтобы тебя похвалить, Ваня.

Ваня. А что ему надо было тогда? Я не понимаю.

Мать. Понимаешь, Ваня.

Ваня. Нихрена я не понимаю.

Молчат. Ваня встаёт из стола.

Мать. Сядь быстро обратно.

Ваня садится.

Мать. Тебя не отчислят, только благодаря моим уговорам. Поэтому ты в субботу же уезжаешь к тётке, возвращаешься первого сентября, и я держу тебя под контролем весь год. Тебе понятно?

Ваня молчит. Встаёт, идёт к двери.

Ваня. Я отсосал Алексею Николаевичу.

Выходит.

Я когда был ещё совсем маленький, спал с мамой. Я боялся, что она умрёт и поэтому до рассвета не мог уснуть – слушал её дыхание. Я даже придумал, что если она перестанет дышать, я возьму нож с кухни и воткну его себе в сердце, между рёбер. А теперь... Я зашёл к себе в комнату и лёг на кровать. Я слушал её шаги и боялся услышать, что она плачет.

12.

В первый же день моего присутствия в вонючей и разваленной деревне, моя тётка Лариса устроила праздник и позвала полдеревни. Полдеревни и правда пришли отметить мой приезд. Я их с детства терпеть не мог – дикие звери. У меня не получалось с ними даже говорить: они смотрели на меня, но ничего не понимали. Жители деревни сконцентрировались в моём нынешнем доме. В доме, во дворе этой развалины и даже за косыми чёрными воротами; это было похоже на уличный цирк уродцев, полевой балаган. Местные клоуны шутили шутки, полученные в наследство от бабушек; акробаты пытались удержать равновесие на ровном месте; фокусники демонстрировали мастерство добывать спирт, когда уже казалось, что все запасы исчерпаны. Как раз с последними я и старался держать связь – спирт с компотом заканчивается быстрее, чем виски-кола. Позже я пойму, что дикий зверь – это я, и я же клоун. А теперь я сидел на крылечке и херачил спирт, думая, что зритель.

Клоун. Я ей говорю, у тебя трусы-то видно, она мне: не видно. Я ей: чёрный вон, видать же! А она мне: а это не трусы. (Хохочет, аплодисменты)

Акробат. Как не трусы-то?

Клоун. У тебя ума-то даже маленечко нет! Не было у неё вообще трусов! (Хохочет, аплодисменты) Ты мне скажи получше, заправиться-то у нас есть чем?

Фокусник. Обижаете! Оп-па! (Достаёт из куста канистру, аплодисменты) Никто туда не ссал?

Акробат. Надо бы, надо бы... (Пытается встать, балансирует) Эй, жених, помоги-ка мне!

Парень в белой глаженной рубашке. Сам ты жених, отвали, бомжара! (Выходит за ворота)

Ваня встаёт. Идёт к Ларисе.

Ваня. Тётя? Это кто, этот парень?

Лариса танцует с полным мужчиной и ничего не слышит.

Ваня подходит к кучке женщин.

Ваня. Кто это? Парень этот?

Женщины. Поздравляем тебя! Молодец! Правильно, правильно! Поздравления!

Ваня. С чем?

Женщины. Так и надо, так и надо. Поздравляем!

Ваня идёт к воротам, выходит.

Клоун. Мухи! Не трусы там были, а мухи!

Овации.

Ваня видит парня, он уже далеко. Он идёт за ним. Заходят на поле с высокой травой.

Парень останавливается у глубокой ямы. Ваня подходит к нему, долго стоит.

Ваня. Ты кто?

Парень (оборачивается). Че?

Ваня молчит.

Парень. Напился?

Ваня. Кто ты?

Парень. Эй, ты чё, тебе плохо?

Ваня. Как тебя зовут?

Парень. Антон. Тебе плохо?

Ваня. Ты похож на одного француза. Ты не француз?

Антон. Я пьяный. Я хотел сброситься.

Ваня. В яму? Ты только запачкаешься.

Смотрят в яму.

Ваня. Почему?

Антон. Просто.

Смеются.

Ваня. Я тебя спас. Я тоже пьяный.

Смотрят друг на друга.

Ваня. Тебя никак больше не называют?

Антон. Как только не называют.

Ваня. Жюстин.

Антон. Не, так не называют.

Смеются.

13.

Ваня и Антон сидят на кровати в доме Ларисы. Темно. Цирк уехал.

Ваня. Блин, тут, кажется, нет света.

Антон. Не похер ли?

Ваня. Я не люблю, когда темно.

Антон. Боишься что ли? (Смеётся)

Ваня молчит.

Антон. Сейчас на телефоне включу. (Включает) Нормально?

Ваня. Да.

Ложатся на кровать, посередине телефон, в потолок светит. Молчат.

Антон. Я сюда к отцу приезжаю, раз год.

Ваня. Я у тётки в ссылке.

Антон. В ссылке? Ты что, не хороший человек?

Ваня отрицательно мотает головой. Смотрит на него.

Антон. Чё ты смотришь?

Ваня. Мне надо тебя потрогать, пока не поздно.

Антон смеётся.

Ваня прикасается к руке Антона, затем садится, расстёгивает на нём рубашку. Нюхает шею.

Ваня. Да, всё точно.

Целует Антона в губы. Смотрит на его реакцию. Антон расстегивает брюки, кладёт Ваню на кровать, закрывает его телом свет от телефона.

Глава 3. Возвращение Жюстина, раз и навсегда

1.

Ваня и Антон стоят на автомобильном мосту, наклонились на перила, смотрят на реку. У Антона пиво и хот-дог.

Ваня. Слава богу, выбрались из этой клоаки. Терпеть не могу свою тётю.

Антон. Чё ты пиво не взял?

Ваня. Я не пью пиво.

Антон. Хот-дог будешь?

Ваня. Я мясное не ем.

Антон. Ну и зря ты пиво не пьёшь.

Ваня. Ладно, давай немного попробую.

Ваня пьёт.

Антон. Чё за куртка у тебя такая? Какая-то страшненькая.

Ваня. Да обычная просто.

Антон. У тебя же пары ещё сегодня, да?

Ваня. Да.

Молчат.

Ваня. Слушай, а у тебя в редакции нет какой-то работы?

Антон. А зачем тебе? Уборщицы если только.

Ваня. Ну просто, денег может подзаработать.

Антон. Денег, ну.

Молчат.

Ваня. Ну и видеться мы чаще сможем так.

Молчат.

Антон. Я короче тебе не сказал ещё, у меня парень есть уже.

Ваня. Он красивый?

Антон смотрит на Ваню, улыбается.

Они слышат крики, оборачиваются. Бежит толпа парней, они убегают от другой толпы. По их крикам слышно, что это нацболы. Кто-то из первых отстаёт, завязывается драка. Обе толпы сходятся. Слышны звуки полицейской сирены. Они разбегаются в противоположные стороны.

2.

Мужской туалет в институте. Ваня стоит у писсуара. Входит Алексей, становится возле Вани, смотрит на него. Ваня заканчивает, идёт к раковине, моет руки.

Алексей. Как поживает твой моральный облик?

Ваня молчит.

Алексей. Заходи сегодня в кабинет ко мне после пар.

Ваня молчит. Алексей шлёпает его по заднице. Ваня поворачивается, смотрит на него.

Алексей. А чего это ты? Агрессия? Что ты такой неласковый сегодня?

Ваня. Отвали.

Алексей. Отвалить-то не проблема, трахаться вот только хочется, Ваня.

Ваня. Купи вибратор.

Идёт к выходу.

Алексей. Ваня.

Ваня останавливается.

Алексей. Я умру скоро.

Ваня. Да уж скорей бы.

Алексей. Я же хотел как лучше – чтобы ты остановился, понимаешь?

Ваня. Да понимаю, мне ровно уже.

Алексей. Ты же жалкий такой. Ну, вообще никакой, то есть. Ну я и подумал...

Ваня. Может вам эвтаназию сделать? У нас не запрещено?

Алексей. Тебя ж даже по имени никто не знает, ни один препод наш. Не запоминают тебя. Сегодня полчаса объяснял декану, что ты существуешь. Полчаса. И как объяснить, главное, не знаю. Парень просто.

Ваня. Ты что-то хочешь от меня?

Алексей. Поцелуй меня и всё.

Ваня. И ты замолчишь?

Ваня целует его в щёку, выходит.

3.

Мытьё полов на самом деле оказалось занятием по душе, а кабинет уборщицы – тем единственным местом, где найденный и спасённый мной в деревенском поле Антон становился безраздельно моим. Терпкий запах спермы и одеколона Антона будет слышен здесь ещё несколько лет, даже когда редакция его перестанет существовать.

Вечер. Ваня и Антон сидят на скамейке в парке культуры и отдыха.

Антон. Мне идти скоро надо, вечер уже.

Ваня. Куда?

Антон. А тебе не надо? Ты говорил зачёт какой-то, готовился бы.

Ваня. Да всрался он мне. Ничё не хочу делать. Хочу быть котом: лежал бы у тебя на коленях, мурлыкал, да и всё. Ничего бы больше не делал. Хотя нет. Ты бы всегда скидывал меня с коленей или перекладывал на холодное, ненагретое место. И почти не гладил бы. Я был бы несчастным котом.

Антон (улыбается). Больной.

Ваня. Я тебе позвоню ещё вечером.

Антон. Не надо, Ваня. Лёха же видит всё это и ему это не нравится, понимаешь?

Молчат.

Антон. Ну ревнует он, понятно же. Ну?

Молчат.

Ваня. Я же говорил тебе, что люблю тебя?

Антон. Говорил.

Ваня. А что сильно – говорил?

Антон. Говорил.

Ваня. Ладно, хорошо тогда. Иди.

Антон прощается, уходит. Ваня некоторое время сидит на скамейке, затем встаёт, идёт по парку. Городской праздник подходит к логическому завершению: начинают взрываться фейерверки. Праздничная толпа движется Ване навстречу. Толпа скандирует какие-то лозунги. Ваня с трудом пробирается к выходу из парка. Он закрывает уши руками – фейерверки глушат. Подходя к концу толпы, Ваня выкрикивает: «Это ваш последний праздник, уроды!» Но его не слышно.

4.

Комната Вани, он сидит за столом. Под светом настольной лампы он рассматривает фотографию Антона, затем сворачивает её, кладёт в кошелёк. Достает из-под стола пакет из модного магазина, достаёт оттуда новую белую куртку, меряет.

5.

Вечер. Редакция, где работают Антон и Ваня. Там стоят накрытые столы, зал украшен лентами, шарами и плакатами. За столом сидят люди, работники редакции. Антон и Лёха сидят рядом, Ваня напротив, смотрит на них.

Сотрудница (Ване). Любишь его?

Ваня. Кого?

Сотрудница. Я тоже. Ну ты хоть трахнешься с ним. Не беспокоит тебя такое положение дел? Полгода уже так. Смотришь сидишь, не унижает тебя это? Видишь, как он обнимает его? Любит, видимо. Не беспокоит, что тебя вот так можно использовать в качестве замены, а?

Ваня. А тебя не беспокоит, что тебя можно использовать в качестве медикамента? При отравлении, для вызывания рвоты?

Сотрудница встаёт, уходит.

Меня беспокоило только одно очень странное новое ощущение. Когда Лёха этот (к слову сказать, в то время я называл его «тупая страшная колченожина»), когда Лёха прикасался к руке Антона, мне хотелось одёрнуть свою руку, когда тот целовал его лицо, я был готов вытирать рукавом всю эту ротовую слизь со своего лица. Мне было неясно, почему этот незнакомый мне человек прикасается к моей руке, целует моё лицо. Это моё, я не допускал его так близко, почему он это делает, на каком основании, по кому ему данному праву. Это моя «его рука», мои «его щёки» и уж точно мои это волосы. Мне, конечно, хотелось ударить его в лицо.

Антон. Не скучаешь? Все расходятся уже. Ты тоже поедешь?

Ваня. Мне мыть ещё.

Антон. А ну ладно. Да все ушли уже, мы тут ещё с Лёхой останемся. Можешь начинать уже сейчас, тебе помочь?

Ваня. Нет, не надо. Можно вы лучше уйдёте?

Антон. В смысле? Нам тут подождать ещё надо компанию одну.

Ваня. Пожалуйста, Антончик. Одну вот такую маленькую вещь сделай для меня?

Антон. Ну мы договорились уже, что тут мы будем. (Молчит) Всё будет хорошо, Ваня. Просто слушай, что я тебе говорю, и не порти со мной отношения. И всё у тебя будет хорошо.

Ваня. У меня в любом случае всё будет хорошо. Такой уж я человек.

Антон и Лёха сидят на диване. Ваня начинает уборку, сначала очищает столы, затем уходит, возвращается с ведром и шваброй. Начинает мыть пол. Медленно моет, добирается до части комнаты, где стоит диван.

Ваня. Можете, поднять ноги?

Антон. Да, конечно, Ваня. Ты молодец такой, моешь всё.

Ваня. Спасибо.

Ваня домывает и тут же Антону звонят, что их друзья подъехали, они собираются и уходят.

6.

Огромный торжественный зал. Позолота, красные дорожки, блеск от хрусталя и украшений гостей. Гости целая толпа, они торжественно одеты. Огромные резные двери открываются, и входит Ваня. Но он не Ваня, он – Жюстин. Двери открываются и он входит. Он выше остальных гостей, вычурно одет: на нём светлая в пол шуба, высокие черные сапоги и дорогое кольцо на шее. Когда входит Жюстин, кажется, что входит толпа. Гости замечают его, оборачиваются. Они немного расступаются, улыбаются, кивают ему. Он скользит взглядом по лицам, но нигде не останавливается. Он проходит к бару, где ему сразу подают стакан виски со льдом, он выпивает. Затем он достаёт из длинного подола шубы два автомата и стреляет по гостям. Он не устраивает бессмысленной резни – он убивает только тех, кого любит или когда-то любил. Все гости убиты, лежат по всему залу. Жюстин стоит в центре, оглядывает зал, бросает автоматы, выходит в дверь.

Ваня просыпается, он лежит в туалете, над дверью мигает вывеска «Клуб «Харизма», темно. Ваня натягивает штаны, вытирает с брюк сперму. Медленно встаёт, держится за голову. Выходит в дверь, везде темно.

Ваня. Эй, кто-нибудь тут есть? Как тут свет включить? Эй! Куда все пропали? Блядь. Включите свет! Мне страшно. Где тут гребанный свет, я реально тупо боюсь. Я сейчас задыхаться начну! Эй! Блядь.

Выходит в какой-то зал, зажигается свет. От датчика движения, наверное.

7.

Ваня сидит в кухне, за столом. Глубокая ночь. Входит мать, она в платье, с букетом цветов, наливает в банку воду, ставит цветы на стол.

Ваня. Свидание было?

Мать. Свидание, да. Цветы вот, поцеловал меня даже.

Ваня. И чего?

Мать. Я ему потом бутылку о голову разбила.

Ваня. Зачем?

Мать. На всякий случай. Чтоб не подумал, что я в него влюбилась.

Ваня. А ты влюбилась?

Мать. Помоги расстегнуть платье.

Она встаёт, убирает со спины волосы.

Мать. Я так и не научилась сама. В мире есть вещи, недоступные одиноким. Наверно, это природа человечья такая, неполноценная.

Ваня (расстёгивает молнию). Это вопрос практики, мам. Научишься.

Мать. Да?

Ваня. Научишься. (Обнимает её сзади, целует в спину) Мам? Мам, ты же меня простила уже?

Молчат.

Ваня. Я сегодня опять сам себе приснился. Я как-то давно уже снился себе, только тогда я чай пил, а сегодня людей расстреливал. Как ты думаешь? Нормально?

Мать. Нормально, Ваня. Бывает же хуже.

8.

Ночь. Ваня и Антон в той же кухне. Сидят за столом, друг напротив друга, едят макароны.

Антон. Ты прости, что я так внезапно приехал посреди ночи. С Лёхой поругались, из дома выгнал.

Ваня. Ну ничего, у меня два дивана в комнате как раз.

Антон. А зачем нам два?

Ваня. Я сегодня застрелил тебя во сне.

Антон. А я, прикинь, еду сейчас, а там целый квартал оцеплен – ищут мужика. Шёл, шел по улице мужик этот и девочку, подростка, ножом мясницким резанул. Убил, прикинь. На скотобойне, говорят, работал и с катушек слетел. А я в это время как раз с Лёхой по телефону ругаюсь еду. Он мне предъявляет, главное, типа ты ведёшь себя по-скотски, я вообще не понял. Он ещё посреди ночи психанул, я вот не могу сейчас вспомнить, чё произошло. Ну я ему и говорю такой...

Ваня перестаёт есть, смотрит на Антона.

Антон. Ты чё? (Улыбается) Чё ты смотришь? Эй! Ты чё? Чё смотришь, говорю? Ты глухой что ли? Чё смотришь?

Ваня. Я пойду постелю тебе.

9.

Комната Вани, застелены два дивана, Ваня и Антон сидят на разных диванах.

Антон. Ну можно, да? Он зайдёт, мы поговорим тут, выясним уже. Утром поедем, ок?

Ваня кивает. Антон выходит, Ваня ложится, закрывается с головой, чтоб было похоже, что он спит.

Возвращается Антон с Лёхой.

Антон. Ваня? Спит уже, видимо. (Лёхе) Ложись туда.

Антон выключает свет, они ложатся.

Под одеялом становилось душно, но пошевелиться означало выдать себя, и я решил подождать немного, а затем выйти из комнаты. Но скоро я услышал, что они стали мириться: звуки агонизирующих псов, подстреленных, хлюпающих собственной кровью в горле, скулящих. Псы умирают, но всё равно выглядят счастливыми: пастью они будто улыбаются. Я боялся этих звуков с того времени как помню себя: по углам мерещились мёртвые собаки, они улыбались мне, исчезали, пробегали по комнате, прятались под кроватью. Эти звуки преследовали меня каждую ночь до тех пор, пока от нас не ушёл папа. Уже только в тринадцать, добравшись до порносайтов, я всё понял: папа не имел связи с нечистой силой. Я старался не шевелиться, не выдавать себя – главное, чтобы они

не поняли, что я это слышу. Ещё прошло примерно полчаса, когда звуки стихли. Я встал и вышел из комнаты курить.

10.

Ваня стоит у окна в кухне, входит Антон, садится рядом на табуретку. Молчат.

Антон. Включить тебе свет?

Ваня. Уже светло почти.

Молчат.

Антон. Извини.

Ваня. За что?

Антон. Ну, это как-то не по-человечески.

Ваня. А я и не человек, Антончик. Я новый биологический модуль.

Гладит Антона по голове, целует в макушку. Прижимает его голову к своему животу, гладит волосы.

Антон. Ваня?

Ваня. Тшш, Ваня сейчас выйдет и уйдёт, Антончик. Всё, Антончик, пока, Антончик. Всё, Антончик.

Уже через минут десять я стоял у дверей своего подъезда. Потом я шёл по тротуару, и к моей подошве прилипал мокрый снег. Я улыбался, но прятался в воротник куртки, чтобы не позориться при людях. Мне 20 лет, я учусь на лингвиста; у меня светлые волосы и я не люблю запах одеколona; мне нравится, что моя куртка тёплая и не нравятся холодные ботинки; я боюсь темноты, но всегда умею найти свет; я точно знаю, что я хочу есть, и я знаю, что через 25 минут я куплю большую тарелку жареного бекона и кружку пива. Я сяду и снова стану улыбаться в воротник. Потому что, наверное, всё это - чудо. Да даже если и нет. Чудо уже в том, что я – Жюстин.

По дороге проезжают большие военные машины: танк, затем зенитная ракетная установка, потом грузовики с солдатами в тулупах и ушанках. Ваня смотрит на них, машет рукой, улыбается.